

ЧЕРНЫМ
ЧЕРНО

новая
русская
готика

Катрина Кейнс

ИТАН СЛУШАЕТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

Иллюстрация на переплете художницы *Soma*

Карта на форзаце *Е. Звонцовой*

Миниатюры *Е. Фехнер*

Кейнс, Катрина.

К33 Итан слушает / Катрина Кейнс. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-235610-0

Кэйлин Нод вынуждена умирать снова и снова, чтобы подарить городу Мэпллэйре чудо в виде дождя из конфет или вернувшейся к своему хозяину вещи. Однажды у супермаркета она встречает Итана, серого мальчика без прошлого, который умеет разгадывать загадки. Вместе они становятся командой по расследованию странных дел: им предстоит встретить шаловливых келпи, кладбищенских духов и книжных драконов, а главное — раскрыть самые мрачные тайны родного городка и собственного прошлого.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235610-0

© Кейнс К., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ И ЗВОНИТЕ ИТАНУ

Мы этого, конечно, не замечаем, но для того, чтобы произошла история, Мирозданию приходится хорошенько потрудиться. Рассыпать звезды по небу, чтобы морякам было легче ориентироваться, приготовить самые быстрые тучи и спрятать их за горизонтом, вселить во множество сердец надежду на чудо, наградить ее — любопытством, а его — жаждой приключений, направить молнию в нужную доску на обшивке...

Но может случиться и так, что героев истории не окажется даже близко к тому месту, где они должны быть. Или все произойдет еще проще: она может испугаться огней, а он — высоких волн и соленой водной толщи, и не выйдет никакой истории.

Да только наша история не о них.

*Твоя могила.
Выбито имя бесстрастно.
Ни тебе цифр, ни эпитафий.
Лишь крест над холмом, который
Дожди поливают день изо дня.
Но ты никогда громких слов не любил.
Зачем? Они мешают сути самой.*

Надпись на камне у самого
северного перекрестка

История первая. МЕРТВАЯ ДЕВОЧКА И СЕРЫЙ МАЛЬЧИК

Глава 1

В одну ничем не примечательную среду, где-то около шести, ветер спустил с Моста Желаний серый шарф с вышитыми на нем красными розами. Следом упала Кэйлин. Теперь уже *Мертвая Кэйлин*.

Почему небольшой мост через разливающийся каждый год ручей назвали Мостом Желаний, никто уже

толком и не помнил. На прутьях, которыми скреплялись каменные блоки, висели замки с намалеванными именами: считалось, что это поможет сохранить любовь на века или хотя бы до тех пор, пока замок не разомкнется. На осыпающихся камнях многие тоже выводили свои имена, чтобы затеряться в истории хотя бы разноцветным пятном. У старой ивы, склонившейся над водой, листьев не было видно из-за разноцветных ленточек: их привязывали к веткам на счастье.

Мост Желаний был излюбленным местом мэпллэйровской молодежи.

Пока по нему не проложили дорогу.

* * *

В четверг вечером — уже довольно много времени спустя — над Мэпллэйром прошел дождь из конфет.

Для той части страны, где ютился городок на восемь тысяч жителей, не редкостью были и дожди из лягушек (что легко объяснялось близостью Ванахеймских болот), и дожди из пауков (что было прямым следствием забастовки в северном Сити, известном странными экспериментами). Но появления дождя из карамелек, тянучек и мармелада никто не ожидал. Никто, кроме Элизабет Рихель, невысокой темноволосой дочери местного священника. Не то чтобы Элиза недоедала конфет — ей часто покупали сладкое. Просто малыш Лиам Брэйвхарт с Маковой улицы, курносая Дороти Гейл из-за Моста и добрая половина их друзей месяцами не видели больше одного просроченного батончика «Плутон». А папа учил Элизу делиться и совершать как можно больше хороших поступков.

ИТАН СЛУШАЕТ

Ранним утром в пятницу люди в Мэпллэйре стали чуточку счастливее, по крайней мере те, у кого подрастали дети. Сладкого, высыпавшегося на газоны и тротуары, крыши домов и ступени магазинов, было не столько, чтобы обеспечить работой всех дантистов в городе, но достаточно для появления улыбок даже на самых угрюмых лицах. Бакалейщик Джули, вовремя схватив грабли, ненадолго расширил ассортимент своей лавки.

Радовалась даже Мертвая Кэйлин, которая, конечно же, сыграла не самую маленькую роль в произошедшем.

Ведь ей пришлось умереть сразу после того, как Элиза Рихель загадала свое желание.

На вопрос «Что с тобой случилось?» Кэйлин обычно отвечала, что с ней случился *Мост*. Если вообще отвечала.

Умирать было страшно. Почти каждый раз. Поначалу. Несомненно, многое зависело от способа, но чаще всего смерть оборачивалась сюрпризом, поэтому в какой-то момент Кэйлин перешла грань обычного страха. Появился новый — с примесью обреченности, щепоткой рутинности и долей любопытства.

В неудачные дни Кэйлин могла умереть раз десять. *Вначале*, сразу после *Моста*, число было намного больше, однако, умирая чаще и чаще, Кэйлин приобретала определенный опыт. Нельзя не освоить парочку трюков, если часто проделываешь один и тот же фокус. Некоторые желания Кэйлин научилась игнорировать: в хорошем расположении духа исполняла особо понравившиеся, в плохом — не слышала ни одно. Желаний было много: разной силы, разного рода, разного происхождения. Вскоре Кэйлин поняла, что может спро-

тивляться почти каждому, которое слышит. Те же, что оставались недоступны для ее обострившегося неживого слуха, влекли за собой очередную неожиданную смерть.

Элизабет Рихель возникла перед Мертвой Кэйлин сразу после того, как та очнулась в кустах под фонарным столбом. Очередное неслышное, удивительно сильное желание привело к тому, что автобус восемьдесят восьмого маршрута сбил Кэйлин, торопившуюся на свое ежедневное созерцание закатного солнца. Водитель даже не заметил глухого удара: ему давно мерещилось, будто он чуть ли не еженедельно кого-то сбивает, так что пришлось походить к психотерапевту. Доктор Рита Шпенцель убедила его, что во всем, конечно же, виноват его отец. Узнай это Мертвая Кэйлин, она бы только посмеялась: она неплохо знала родителей этого парня, они часто давали ей деньги за уборку осенней листвы с лужайки.

Элизу Кэйлин тоже знала довольно давно: они жили на одной улице. Отец девочки Кэйлин не нравился — насчет *лучшего мира* он слегка приврал, — но сама маленькая мисс Рихель была разумной леди, что и доказала сразу же, едва увидела хромавшую за забором знакомую в забрызганной кровью юбке и порванной рубашке.

— Лиам рассказал, как тебя на заднем крыльце его дома загрыз волк. Клялся, что клыки были «вот такие» и кровь повсюду... Еще и заикался. Я думала, он не врал.

— Привет, Элиза! — Кэйлин знала, что Элизабет не любит, когда ее имя сокращают до почти вульгарного

ИТАН СЛУШАЕТ

«Бэтси» или «Лиззи». — Лиам, конечно, славный мальчик, но воображение у него чересчур богатое.

— У тебя тут стекло торчит. — Элиза пальцем указала себе на висок.

Кэйлин, словно в этом не было ничего необычного, вытащила из головы осколок. Автобус задел ее лишь слегка, но как же неудачно разбилось зеркало заднего вида.

— О, спасибо.

— Так ты мертвая?

— Скорее умирающая. По несколько раз на дню... *Умиравший джинн Мэплэйра*. Хех. Сейчас вот отец Тома слишком сильно захотел новую жену, например...

— Так на тебя загадывают желание, и ты... — Элизабет изобразила накидывающуюся на шею петлю. — Как падающая звезда.

Кэйлин невольно улыбнулась и тут же поморщилась — парочки зубов не хватало. Но сравнение ей понравилось.

— *Звезда*... Окровавленная и в порванной майке... Прямо как в шоу-бизнесе. Забавно. Как твои кошки, Элиза?

Мисс Рихель кинула взгляд на белый забор, который огораживал участок ее дома: там рядом были похоронены Снежинка и Бабочка. Их тени гонялись по траве друг за другом неподалеку от надгробий; под призрачными лапами не пригибалась ни одна травинка.

— Пушок совсем старый. Думаю, скоро будет играть на полянке вместе со Снежинкой и Бабочкой. — Элиза вздохнула.

— Жаль его... — Кэйлин чуть-чуть помолчала, а потом задумчиво стала накручивать на палец локон светлых

волос, не замечая, что тот пачкается в крови. — А я вот *зрение* никак не разовью. *Слышать* умею, а *видеть* — нет, сэр. Повезло тебе. — Элизабет пожала плечами.

— У меня на глазах умерла мама. Не думаю, что этому стоит завидовать.

Кэйлин поперхнулась — то ли воздухом, то ли остатками страха.

— Прости, я не... — Она услышала громкое мяуканье, потом шипение. — Можешь загадать желание за мою бестактность.

...Элизабет Рихель была странным ребенком — а то и самым странным жителем Золотой улицы, — но помочь ей Кэйлин считала довольно благородным делом. В конце концов, разве можно судить о чьей-то странности, если ты мертвый джинн с кучей проблем? И умирать в этот раз было даже не больно: по воле Провидения Кэйлин просто перестала дышать на несколько минут.

Так над Мэпллэйром и прошел необычный дождь.

* * *

Мертвая Кэйлин регулярно посещала свою *могилу*.

Вот и теперь ноги — окровавленные, со сломанными от удара ногтями, обутые в остатки чешек — сами привели ее на мост. Серый бетон и выпирающие железные штыри заливал оранжевый свет заходящего солнца; пыльные листья поникли от выдыхаемых машинами выхлопов. На бордюрах прибавилось надписей, но в целом мост ничем не отличался от того, с которого потерявшая (или так и не нашедшая?) смысл Кэйлин упала несколько лет назад. С тех пор она не выросла

ИТАН СЛУШАЕТ

ни на дюйм, не проспала ни часа, но все так же жила в доме на холме и ходила в университет. Словно ничего не изменилось.

За спиной вдруг раздались шаги. Кэйлин обернулась и услышала незнакомый голос:

— Это вы Кэйлинна Нод? *Та самая*, про которую говорят... Мне нужна ваша помощь.

Последнее предложение незнакомец выдохнул совсем тихо, словно ни разу в жизни ничего ни у кого не просил.

Солнце зашло, и Мэпллэйр нырнул в чернильные сумерки.

Все здесь частенько начиналось с моста.

* * *

Итану было шестнадцать; он не расставался с солнечными очками, а под кроватью в его маленькой квартирке в Бэй-сайде вместо порножурналов аккуратными стопками лежали комиксы, в основном — рисованные от руки. Он с маниакальной скрупулезностью выкупал их по интернету в те времена, когда у него еще водились деньги. Когда он жил с тетей Сарой.

В покрытом ржавчиной зеркале с отколотым краем отражались широкие плечи, всклоченные волосы цвета подгнивших ростков пшеницы, пустые глаза — словом, то, что в целом и было Итаном Окделлом. На *серые уродливые пятна*, расплзающиеся по плечу, левой стороне груди и под скулами, он старался не смотреть.

Первыми были глаза: однажды их радужки просто потеряли свой синий цвет, через пару часов поблекли и зрачки. Остались только белки с еле заметными се-

точками сосудов. Итан тогда испугался: спиной задел шторку в ванной, рухнул в нее сам, и по лбу ему ударила тяжелая перекладина. Почти сразу Окделл купил себе очки — стильные, как те, что он видел на одном ночном киносеансе на бульваре Санрайз, — и они совсем ему не шли. Итан не зарабатывал на хорошего врача, а тот, к которому он мог бы обратиться, не вызывал доверия. К тому же само зрение не пострадало. Да и общее самочувствие Итана никак не изменилось.

Вскоре шкафоподобный коллега, Теренс, отмочил какую-то зверски смешную шутку про *раннюю седину*: волосы Окделла тоже начали терять цвет. Той же ночью Итан решил, что вселенная попросту *стирает* его, как нечто лишнее: сначала обесцветит, потом уберет контуры, и он распадется на черточки, от которых проку будет наверняка чуточку больше, чем от цельного Итана.

Через неделю появилось первое серое пятно на коже.

За их ростом невозможно было уследить, равно как и найти хоть какую-то закономерность в их появлении. Итан продолжал *выцветать*. Приходилось надевать глухую водолазку — старую, с радужным единорогом, потому что другой не нашлось, — чтобы спрятать пятна. Никакого недомогания не чувствовалось и в помине, *это* вряд ли было заразно, к тому же Окделлу очень не хватало денег. Все равно за целую смену он видел только Теренса — охранника, которого прозвал Ифритом, и водилу Грегсона. Они всегда стояли в отдалении и попыхивали самокрутками, глядя, как Итан нагружает машину ящиками.

Как же Итан ненавидел запах этих сигарет...

ИТАН СЛУШАЕТ

* * *

— Ит! Эй, Ит! Сигаретку? — Теренс протянул Окделлу дымящуюся «раковую палочку». Водитель захихикал. Из его ноздрей рывками вылетал дым.

Итан промолчал, сосредоточившись на ящике, который пытался сдвинуть с места уже несколько минут. Он был подозрительно тяжелым, хотя маркировка на крышке не отличалась от той, что красовалась на остальных, уже выгруженных из машины. На оранжевом фоне — этот цвет заставлял Итана болезненно морщиться всякий раз, когда попадал в поле зрения, — белела надпись: «Макарошки Джибса», и ниже — «Лучшие в городе!». Итан сильно сомневался, что Грегсону можно доверить перевозку хоть чего-нибудь «лучшего в городе», и потому коробки не вызывали доверия. Да что такое с этим проклятым ящиком?

Водитель и охранник захрустели арахисом. Они, похоже, делали ставки на то, сорвет ли Окделл спину. Грегсон никуда не спешил и потому пожертвовал целых две монеты. Итан в конце концов попросту выпинал коробку ногами.

— Нечестно, — буркнул Грегсон, но деньги все-таки отдал. Ифрит довольно осклабился, предвкушая баночку прохладного «Обета молчания» по приходе домой.

Грузовик завелся не сразу: натужно заревел, чихнул выхлопной трубой и оставил после себя облако коричневого дыма.

— Затащишь эти вот под прилавок — и можешь идти. — Грегсон сплюнул, расплющил ботинком окурок и хлопнул дверцей. Машина жалобно скрипнула, но мужчина уже ни на что не обращал внимания: на